Научная статья
УДК 316.344.8:316.7
ББК 60.524.56
Н 16
DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-2-299-109-119

УРОВНИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(Рецензирована)

Анжела Аслановна Нагой
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия
likabohema@mail.com

Аннотация. В статье раскрываются теоретические основания структурно-функционального выделения уровней формирования культурной идентичности. Утверждается, что поиск концептуально-методологической основы исследования культурной идентичности с учетом цивилизационного, личностного и социологического подходов возможен в рамках межпредметного культурологического синтеза ценностно-нормативной концепции культурной политики и модели социокультурного процесса символизации успеха. В настоящей работе автор опирается на теоретическую модель российского ученого Г.В. Бакуменко, который рассматривает идентичность через призму структурного функционализма, деятельностного и системного подходов, что позволяет в значительной степени усилить эвристический потенциал социологии культуры в объяснении ее интегративных характеристик. Подтверждается тезис о том, что прагматическое понимание культурной идентичности, базирующееся на структурном единстве ее организационных и институциональных уровней, тесно сопрягается с наличием эмоциональных атрибуций, которые находят выражение в индивидуальном, национальном и межнациональном уровнях идентификации. На основе проделанного анализа можно сделать вывод о том, что разделение уровней формирования культурной идентичности расширяет прогностические возможности социогуманитаристики в эксплицировании динамической природы идентификационных процессов в условиях культурной конвергенции и дивергенции.

Ключевые слова: культурная идентичность, общегражданская идентичность, культурная политика, социальная коммуникация, культурная динамика, уровни формирования идентичности, субъекты культурной идентичности, агенты культурной идентичности.

Для цитирования Нагой А.А. Уровни формирования культурной идентичности// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2022. Вып. 2 (299). С. 109-119. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-2-299-109-119.

Original Research Paper

LEVELS OF CULTURAL IDENTITY FORMATION

Anzhela A. Nagoi
Adyghe State University, Maikop, Russia
likabohema@mail.com

Abstract. The paper reveals the theoretical foundations of the structural and functional identification of the levels of cultural identity formation. It is argued that the search for a conceptual and methodological basis for the study of cultural identity, taking into account civilizational, personal and sociological approaches, is possible within the framework of an interdisciplinary culturological synthesis of the value-normative concept of cultural policy and the model of the sociocultural process of symbolizing success. In this paper, the author relies on the theoretical model of the Russian scientist G.V. Bakumenko, who considers identity through the prism of structural functionalism, activity and system approaches. This makes it possible to significantly strengthen the heuristic potential of the sociology of culture in explaining its integrative characteristics. The thesis is confirmed that the pragmatic understanding of cultural identity basing on the structural unity of its organizational and institutional levels is closely interfaced with the presence of emotional attributions that find expression in individual, national and interethnic levels of identification. Based on the analysis made, it can be concluded that the separation of the levels of cultural identity formation expands the prognostic possibilities of socio-humanitarianism in explicating the dynamic nature of identification processes in the conditions of cultural convergence and divergence.

Keywords: cultural identity, civil identity, cultural policy, social communication, cultural dynamics, levels of identity formation, subjects of cultural identity, agents of cultural identity.

For citation: Nagoi A.A. Levels of cultural identity formation // Bulletin of Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies». 2022. No.2 (299). P. 109-119 (in Russian). DOI: 10.53598/ 2410-3691-2022-2-299-109-119.

Введение. Проблема культурной идентичности поднимается в русской философии на этапе становления почвеннической идеологии. Ещё И.В. Киреевский (1806–1856), оттолкнувшись от собственного концепта «сердца просвещения», центра, регулирующего «кровоток живого организма», под которым философ понимает общее социокультурное пространство распространения идей и ценностей [1; 49], приходит к заключению, что «сердцем» русской культуры не могут стать европейские культурные центры. Он акцентирует внимание на особой русской идентичности, которая не исчерпывается культурными образцами Европы [1; 184]. Употребив одним из первых концепт «русская идея» в 1860 г., Ф.М. Достоевский писал, что, ориентируясь на петровские реформы, Россия изо всех сил пыталась стать европейской державой: «Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность к европеизму. Теперь мы думаем иначе. Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии <загнать> себя в одну из западных форм жизни, выжитых <...> Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, - точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке» [2; 6-7]. Поиск самобытной культурной идентичности в российской философской и общественно-политической мысли Золотого века русской культуры (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, И.А. Ильин) сопряжен с пониманием, что историко-культурное наследие не остается «мертвым» или «законсервированным» минувшим, но участвует в проектировании будущего, составляет основание

реконструкции и развития общности народов, исторические судьбы которых вовлечены в ореол российскости [3, 4, 5][1] .

Результаты и обсуждение. О том, что поднятые русскими мыслителями вопросы актуальны и по сей день, говорит обсуждение проблемы укрепления общероссийской гражданской идентичности в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. [6]. Президент России В.В. Путин, открывая Заседание Совета по межнациональным отношениям, подчеркнул, что укрепление общероссийской идентичности и гражданского самосознания для многонациональной России имеет принципиальное и решающее значение наряду с эффективной экономикой и компетентным управлением [6]. Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) определяется в Стратегии как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [7].

С одной стороны, не вызывает сомнений, что необходимость сохранения культурной идентичности народов России, как базы укрепления общероссийской гражданской идентичности, обусловлена не только задачами стратегического развития, но и безопасности общества и государства [7]. С другой, - не существует единого научного подхода к изучению феномена культурной идентичности. В частности, из обзора научной литературы Л.В. Мельникова выделяет цивилизационный, личностный и социологический подходы [8; 231]. «В связи с этим нельзя ограничиваться выбором одного из выделенных выше подходов в качестве методологической основы исследования, а необходимо попытаться разработать такую концептуально-методологическую основу исследования, в которой удалось бы осуществить продуктивную интеграцию всех трех подходов» [8; 233]. Иными словами, необходим межпредметный культурологический синтез подходов. И здесь мы видим два методических основания для подобного синтеза.

С одной стороны, разрабатываемый в области культурной политики рядом ученых ценностно-нормативный подход [9], который в целом соответствует дихотомической модели культуры [10], позволяет выстроить иерархию уровней формирования культурной идентичности позднесовременного общества. С другой, - модель социокультурного процесса символизации успеха, основанная на идее социальной автокоммуникации [11] и раскрывающая механизм пространственно-средовой ориентации разнородных элементов социокультурных систем [12], позволяет говорить о формирующих условиях инкультурации и культурной идентичности участников социальной автокоммуникации, о субъектах, транслирующих те или иные образцы идентичности.

Концепция социальной автокоммуникации Г.В. Бакуменко основывается, с одной стороны, на структурно-функциональной теории коммуникации московско-тартуской школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, А.М. Пятигорский и др.) [11; 58-65, 101-104], с другой, - на системном (В.С. Степин) [11; 26, 91] и деятельностном (А.Я. Флиер) [11; 23-25, 96] подходах к определению культуры, её динамики и морфологии. Но вместе с тем он включает в орбиту своего внимания отдельные исследования, расширяющие структурно-функциональные представления о сущности социальной коммуникации (Д. Тёрнер, М. Маклюэн, Ж. Делез, Х.-Г. Гадамер, Р.Т. Крейг,

1 Термин научной школы кавказоведения В.Б. Виноградова (см. Теленков, Лукаш, Вертикова и др.).

Л. Бакстер и др.), и в целом соглашается с диалектико-диалогическим прагматическим принципом построения общего поля теории коммуникации Р. Крейга с учетом критики Д. Майерса [11; 93]. Соответственно, берутся в расчет и принципиальные положения американского теоретика: 1) нет и не может быть общей теории коммуникации, ввиду существенных теоретических расхождений, ведущих к различным теоретическим моделям коммуникации; 2) в силу собственной специфики отдельные теоретические модели коммуникации различным образом представляют социальную реальность и способы влияния на неё; 3) пересечение и синтез различных теоретических подходов может быть оправдан прикладной значимостью результатов, конкретным применением их в социальных практиках [13].

В своей монографии Г.В. Бакуменко рассматривает социальную автокоммуникацию на примере одного из сегментов - кинокоммуникации. Путем анализа тенденций культурного потребления символов успеха двух дихотомически представленных типов (персоноцентричные и социоцентричные) культуролог раскрывает динамику социокультурного процесса символизации успеха. Символы успеха в содержании кинофильмов предстают культурными продуктами, потребление которых в целом влияет на культурные детерминанты деятельности, на мотивацию индивидуальной и коллективной деятельности. Опора на эмпирику кассовых сборов фильмов позволяет предложить конкретные количественные параметры измерения динамики социокультурного процесса [11; 163-168]. Учитывая положения психологической теории социальной идентичности авторитетных теоретиков А. Тэджфела и Д. Тернера [14; 33-37], представляется возможной экспликация концепции социальной автокоммуникации в область теории идентичности, ведь культурная (социальная) идентичность также является продуктом коллективного производства и потребления, как и кинофильмы. Существенным отличием является наличие в кинокоммуникации внешнего экрана, транслятора культурного продукта, в то время как подобным транслятором идентичности остается экран личностной культуры [15].

Рассматривая социокультурный процесс символизации успеха как предмет исследования, Г.В. Бакуменко включает в методологический инструментарий базовые положения кибернетической модели культуры А. Моля [12]. В частности, разграничение А. Молем упорядоченности традиционной и распадающейся на культуремы мозаичной культур им интерпретируется как различение традиционной и инновационной культур [16, 17]: одна формируется на протяжении длительного времени, наследуя из поколения в поколение культурные образцы, от чего не всегда успевает за интенсивными изменениями последнего времени (традиционная), другая - нуждается в целерациональном управляющем контроле, иначе «...ускорение течения социального времени в инновационной культуре усиливает риски скатывания в инверсионную ловушку, в которой общество не преодолевает культурную травму, а продолжает усиливать её последствия» [17]. Поэтому «от культурологической атрибуции происходящих в современных культурах изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный) и в различных сферах деятельности зависит скорость социокультурного развития общества: с одной стороны - скорость его адаптации к изменениям, а с другой, - способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое и обуславливать посредством инноваций процессы, поддающиеся контролю и управлению» [11; 95].

Существенным методическим приемом в работе Г.В. Бакуменко

является разграничение повседневной культурной атрибуции людьми предметов в окружающей реальности и культурологического подхода как метода соотнесения типичных свойств некоторого множества культурных артефактов. Укажем, что культурная идентичность в целом предопределяет условия повседневной культурной атрибуции. Поэтому структурно-функциональная иерархия уровней культурной атрибуции («индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный») приемлема для классификации уровней формирования идентичности как методический прием, позволяющий обозначить субъектность и агентность идентичности отдельного уровня.

На *индивидуальном* (персональном) уровне культурная идентичность определяется как самосознание личности собственной принадлежности к некоторой культурной общности, которая нормирует базовые ценности и культурные образцы (этические, эстетические и пр.). Личность выступает субъектом идентичности, осуществляя свободно или под управляющим влиянием выбор базовых ценностных установок жизнедеятельности. По отношению к экрану личностной культуры индивидуальный уровень идентичности является продуктом автохтонной культуры, т.е. формирующей базовые ценностные ориентиры личности. С позиции ценностно-нормативного подхода [9] индивид (личность, персона) находится в сложной системе нормирующих социальную жизнь институций (включая досуговые коллаборации) и одновременно в управляющей сфере государственной политики, которая предопределяет (нормирует) взаимодействия социальных субъектов на национально-государственном уровне [18; 82-89]. Человека в нашей стране окружает совокупность: (а) традиционные культуры разных народов России, которая воспринимается личностью сквозь призму автохтонной культуры, (б) доминирующая культура национально-государственного уровня, регламентированная государственной культурной политикой, (в) субкультурные новообразования (молодежные, профессиональные, фендомные и пр.) и наднациональные новообразования, к которым, к примеру, О.А. Симонова относит систему эмоциональных императивов позднесовременного общества [19].

Безусловно, отмеченные О.А. Симоновой эмоциональные императивы складываются в некоторую систему ценностей, на вершине которой находится способность индивида извлекать выгоду из эмоциональных переживаний. Она совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости анализа агентности подобного новообразования позднесовременного общества [19; 43]. В этой постановке вопроса содержится одновременно и указание на несоразмерность хронологической периодизации позднесовременного общества с обозначенным ею типом культурной идентичности, хотя автор именно его относит к характеристике текущего (современного) периода. Возражая О.А. Симоновой, с опорой как на работы классиков зарубежной социологической мысли (Э. Гидденс, Д. Белл, А. Моль, Дж. Александер и др.), так и на наблюдения отечественных культурологов (И.И. Горлова, С.Б. Синецкий, Г.В. Бакуменко и др.), укажем, что приведенная ею совокупность эмоциональных императивов отражает лишь одну из множества надбиологических программ жизнедеятельности общества, которая формирует наднациональную культурную идентичность. В качестве дополнительного довода укажем, что в современном зарубежном междисциплинарном теоретическом дискурсе фиксируется множество культурных паттернов поведения [20], позволяющих зафиксировать полифонию культурных идентичностей в качестве основной характеристики позднесовременного общества. Предпринятая О. А. Симоновой

тематическая выборка зарубежных исследований, таким образом, не релевантна авторской универсализации системы проанализированных эмоциональных императивов. Можно согласиться с ней лишь в том, что в определенных условиях комплекс выделенных эмоциональных императивов может составить доминирующую культуру, формирующую определенный тип идентичности. Агентами подобной идентичности могут выступать люди, вовлеченные в коммерциализацию собственных эмоциональных переживаний, соответственно, субъектами подобной идентичности выступают коммерческие структуры, формирующие рынок труда, специализирующиеся на монетизации человеческого капитала. Это указывает на влияние в современном мире организационного уровня формирования идентичности [21].

Организационный уровень формирования культурной идентичности предполагает субъектность организаций в производстве базовых ценностей. Ни для кого не секрет, что корпоративная культура проникает в формирующие культурную идентичность институции. К примеру, помимо традиционных мировых религий, формируют элементы наднациональной культурной идентичности транснациональные (международные) компании, международные неправительственные и межгосударственные организации. В России сам термин «социально ответственный бизнес» (примечателен слоган: «Газпром - национальное достояние!») указывает на слияние государственных интересов в формировании общероссийской гражданской идентичности с корпоративными. Для корпораций (организаций) формирование из наемного работника адепта корпоративной культуры означает усиление эффективности системы управления. Поскольку в капиталистических экономических отношениях эффективность управления является базовым фактором конкурентоспособности, нет оснований исключать устойчивость влияния организаций на культурную идентичность населения.

Институциональный уровень культурной идентичности складывается как ведущая в самореализации личности отрасль социальных практик. Наука, система образования, политика, система государственного управления, бизнес, социальная и благотворительная деятельность, религия - в этих отраслях социальных практик формируются устойчивые социальные институты, требующие от личности для участия в отрасли определенных процедур инициации, которые коренным образом влияют на трансформацию автохтонной культуры и предопределяют культурную идентичность людей наиболее продуктивного возраста. Кроме того, институциональный уровень имеет и реализует потенциал формирования отдельных традиций (научные школы в науке, исполнительские или композиторские школы в музыке, просветительские традиции в образовании и социальной деятельности и пр.). Благодаря традиции институциональный уровень формирования идентичности преодолевает национальные и культурные границы, совершенствуя образцы культурного поведения из эпохи в эпоху. Итальянское бельканто, австро-немецкая виртуозная пианистическая школа, русский классический балет, православная иконопись - примеры устойчивых институциональных традиций, ориентирующих индивида в область определенной культурной идентичности. В этой связи вполне уместна апелляция Е.В. Свиридкиной к наследию А.С. Панарина в дискуссии с В.А. Шнирельманом по вопросу негативной коннотации традиционализма как отсталости [22; 35-36]. Частью кода русской цивилизации остается уважение существующих традиций, но это не означает отсталости, а напротив, говорит о способности

аккумулировать русской культурой высшие достижения культур разных народов, воссоздавая и развивая на собственной почве производящие их социальные институты. В этой связи хотелось бы отметить, что доктрина ЮНЕСКО сохранения материального и нематериального наследия стимулирует формирование в разных странах мира системы социальных институтов, изучающих и сохраняющих традиции созидания культурных ценностей. Несмотря на то, что Конвенция ЮНЕСКО (2003) и последовавшие с 2012 г. Директивы по её реализации в последнее время серьезно критикуются [23], сохранение традиций не ущемляет индивида в выборе собственной идентичности, как считает В.А. Шнирельман, а напротив, сохраняет саму возможность свободного выбора человеком в культурном разнообразии формирующих идентичность культурных образцов.

Национальный (национально-государственный) уровень формирования культурной идентичности ограничен задачами социального управления. Субъектом в данном случае выступает государство как система управления общественными отношениями, а агентами - институты государственной власти.

Скорость течения социального времени, фиксируемая как рост количества логических операций в момент времени, обуславливает его асинхронию в деятельности различных социальных субъектов [24]. Полифония культурной идентичности, связанная, в том числе, с течением субъективного (культурного) времени [25], усложняет осуществление управленческих функций. Эти обстоятельства диктуют ценность регулируемой правовыми нормами государственной доктрины культурной и национальной политики, образующей медиационную сферу диалога социальных субъектов (личность, этнос, организационные, институционные профессиональные и досуговые коллаборации). Формирование общегосударственной гражданской идентичности, таким образом, позволяет создать устойчивую, общую для всех граждан страны метакоммуникационную сферу, в которой общие смыслы и ценности выступают в роли медиаторов противоречий и разногласий, неминуемо возникающих в условиях полифонии культурных идентичностей и асинхронии течения социального времени.

Прикладное значение культурологической атрибуции происходящих в современных обществах изменений состоит в оценке эффективности тех или иных управленческих решений в контексте полифонии культурных смыслов, в анализе типичных признаков: (а) тенденций культурного развития общества (происходящих изменений), (б) стратегических задач управления, (в) отдельных управленческих шагов и самого процесса управления. В этой связи задачи прикладной культурологии в контексте теории управления пересекаются с концепцией всеобщего управления качеством (TQM) и требуют обогащения методологического инструментария прикладной культурологии квалитативными методами теории управления.

Межнациональный уровень формирования культурной идентичности исторически возникает задолго до становления современных государств и наций. Старейшими субъектами этого уровня являются мировые религии, сохраняющие свое трансграничное влияние и по сей день. С укреплением национальных государств складываются их международные союзы и появляются межгосударственные и международные неправительственные организации, промышленные, торговые и финансовые синдикаты. Трансграничная деятельность субъектов межнационального уровня формирования культурной идентичности развивается в условиях жесткой конкуренции за преимущества, которые предоставляет управление

развитием культурной идентичности. Каждый из субъектов стремится к унификации системы управления, преследуя, соответственно, собственные цели. Этого требует глобальный уровень управления: сложность процессов управления диктует необходимость унификации системы управления для повышения её эффективности. Однако стремление к унификации системы управления, ведущей к доминированию некоторой унифицированной общемировой культурной идентичности, входит в противоречие с принципом свободного выбора личностью культурных образцов поведения, т.е. подрывает сам механизм выработки культурной идентичности и снижает его управленческий ресурс.

Наблюдаемые Г.В. Бакуменко флуктуации в культурном потреблении символов успеха, транслируемых кинематографом, отражают противоположные тенденции развития массового сознания и формирования культурной идентичности. Сменяющие друг друга тренды конвергенции и дивергенции (унификации/поляризации [11; 160]) в потреблении символов успеха позволяют предполагать и аналогичные тенденции в формировании культурной идентичности: тенденция унификации/конвергенции, связанная с ростом популярности социоцентричных символов успеха, отражает сближение культурных различий, общее стремление к интеграции культур и преодолению препятствий на пути выработки общей идентичности; противоположная же тенденция (дивергенции/поляризации) посредством стигматизации другого обособляет самобытные культуры, воссоздает препятствия на пути их интеграции, ведет к усилению культурных различий, в том числе и в плане формирования культурной идентичности.

Заключение. Таким образом, предпринятая дифференциация уровней формирования культурной идентичности позволяет усмотреть динамический принцип её развития, состоящий в смене трендов конвергенции и дивергенции культурных различий. В условиях конвергенции усиливается роль общности, интерес к наследованию традиций, к взаимопроникновению и сближению культур. В условиях дивергенции - напротив, задействуется инновационный потенциал созидания уникального, в том числе неповторимой личностной культурной идентичности, противопоставленной существующим традициям. Это наблюдение раскрывает дальнейшие перспективы исследования культурной идентичности с целью совершенствования государственной культурной политики.

С одной стороны, раскрывается перспектива картографирования на территории Российской Федерации и на международной арене формирующих культурную идентичность субъектов, что представляет интерес в плане ресурсного обеспечения государственной политики по формированию общегражданской идентичности. С другой, - наблюдение смены противоположных тенденций конвергенции и дивергенции культурных различий предполагает прогностику поведения субъектов различных уровней в плане трансляции ими образцов культурной идентичности, что позволяет перспективную карту представить в виде динамичного маркера развивающихся тенденций. Указанные исследовательские перспективы требуют синтеза передовых научных методик культурологии, социологии, теоретических подходов к проблемам управления и социальной коммуникации, с учетом имеющегося опыта анализа трендов культурного потребления и развивающейся теории культурной (социальной) идентичности.

Примечания:

1. Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: в 4 тт.: Т. 2. Литературно-критические статьи и художественные произведения. Калуга: Гриф, 2006. 365 с.

2. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Собрание сочинений : в 15 тт. Т. 11. СПб: Наука, 1993. 571 с.

3. Вертикова А.А. Трансформация этнической идентичности в условиях северокавказского фронтира: конец XVIII - середина XIX вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2019. № 2 (202). С. 62-66.

4. Лукаш С.Н. «Российскость» как базовая парадигма человека культуры // Известия ВГПУ. 2016. № 1 (105). С. 60-66.

5. Теленков А.В. О соотношении наименований русские и россияне: история, современность и перспективы // Антиномии. 2008. № 8. С. 326-340.

6. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России, 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65252 (дата обращения: 20.10.2021).

7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный интернет-портал правовой информации, 2005-2021 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (дата обращения: 20.10.2021).

8. Мельникова Л.В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 226-234.

9. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И.И. Горлова, Т.В. Коваленко, А.В. Крюков [и др.]. М.: Институт наследия, 2019. 206 с.

10. Флиер А.Я. Нормативная теория культуры как дихотомическая модель // Вопросы культурологии. 2019. № 4. С. 29-36.

11. Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М.: ООО «СамПолиграфист», 2021. 276 с.

12. Бакуменко Г.В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. 2015. № 7 (127). С. 964-977.

13. Craig R. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119-161.

14. Tajfel H., Turner, J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Eds.: W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979. P. 33-37.

15. Моль А. Социодинамика культуры. М.: ЛКИ, 2008. 416 с.

16. Бакуменко Г.В. Традиция и новация в символизации успеха духовных практик // Социальные смыслы спортивной духовности: Мат. II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Армавир, 2021. С. 8-14.

17. Бакуменко Г.В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: Мат. международной научной конференции / ред. В.А. Веременко. Санкт-Петербург, 2021. С. 61-66.

18. Синецкий С.Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : Сб. статей. Будапешт; Киров, 2019. С. 8-17.

19. Симонова О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 25-45.

20. Singh, S.P., Brown, L., Winsper, C. et al. Ethnicity and Pathways to Care During First Episode Psychosis: The Role of Cultural Illness Attributions // BMC Psychiatry.

2015. Is. 15. Article number 287 [Online]. URL: https://doi.org/10.1186/s12888-015-0665-9 (accessed 26.20.2021). ; Henderson N.L., Dressler W.W. Medical Disease or Moral Defect? Stigma Attribution and Cultural Models of Addiction Causality in a University Population // Cult Med Psychiatry. 2017. Is. 41. P. 480–498.; Causadias J.M., Vitriol J.A., Atkin A.L. The Cultural (mis)Attribution Bias in Developmental Psychology in the United States // Journal of Applied Developmental Psychology. 2018. Vol. 59. P. 65–74. ; Neumann D., Sander A., Perkins S.M., Bhamidipalli S.S. Hammond F.M. Negative Attribution Bias and Related Risk Factors After Brain Injury // Journal of Head Trauma Rehabilitation. 2021. Vol. 36. Is. 1. P. E61-E70.

21. Абдалина Л.В., Коваль Н.А., Плаксина Н.И. Развитие корпоративной культуры преподавателя вуза: от теории к практике // ПНиО. 2020. № 3 (45). С. 475-487.

22. Свиридкина Е.В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 35-41.

23. Seifi L., Soltanabadi M. Iranian Public Libraries' Capacities in Preserving and Disseminating Intangible Cultural Heritage // IFLA Journal. 2019. Vol. 46. Is. 4. P. 359-368.

24. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.

25. Каган М.С. Философия культуры. СПб: Петрополис, 1996. 414 с.

References:

1. Kireevsky I.V., Kireevsky P.V. Complete works: in 4 volumes: Vol. 2. Literary and Critical Articles and Works of the Art. Kaluga: Grif, 2006. 365 p.

2. Dostoevsky F.M. Announcement of Subscription to the Magazine «Time» for 1861 // Collected works : in 15 tt. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka, 1993. 571 p.

3. Vertikova A. A. Transformation of Ethnic Identity in the Conditions of the North Caucasian frontier: the end of the XVIII — mid-XIX Centuries. // Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2019. No. 2 (202). pp. 62-66.

4. Lukash S.N. «Russianness» as a Basic Paradigm of the Person of Culture // Izvestiya VSPU. 2016. No. 1 (105). pp. 60-66.

5. Telenkov A.V. On the Relationship of the names Russians and Russians: history, modernity and prospects // Antinomies. 2008. No. 8. pp. 326-340.

6. Meeting of the Council on Interethnic Relations // President of Russia, 2021 [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65252 (accessed 20.10.2021).

7. On the Strategy of the State national Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 // Official Internet Portal of legal Information, 2005-2021 [Electronic resource]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (accessed 20.10.2021).

8. Melnikova L.V. The Problem of Cultural Identity: conceptual Approaches // Humanities and Social Sciences. 2010. No. 5. P. 226-234.

9. Regional cultural Policy: Methodology, Institutions, Practices (value-normative Approach) / I. I. Gorlova, T. V. Kovalenko, A.V. Kryukov [et al.]. M.: Heritage Institute, 2019. 206 p.

10. Flier A.Ya. Normative Theory of Culture as a dichotomous Model // Questions of cultural Studies. 2019. No. 4. pp. 29-36.

11. Bakumenko G.V. Value Dynamics of Symbols of Success: Based on the Statistics of Film Distribution. M.: LLC «SamPoligrafist», 2021. 276 p.

12. Bakumenko G.V. The Process of symbolizing Success as a Principle of spatial and environmental Orientation of Elements in socio-cultural Systems // Politics and society. 2015. Vol. 7 (127). P. 964-977.

13. Craig R. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161.

14. Tajfel H., Turner, J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Eds.: W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979. P. 33–37.

15. Mol A. Sociodynamics of Culture. M.: LKI, 2008. 416 p.

16. 16. Bakumenko G.V. Tradition and Innovation in symbolizing the Success of spiritual Practices // Social Meanings of sports Spirituality: Mat. II All-Russian scientific and practical Conference with international Participation. Armavir, 2021. P. 8-14.

17. 17. Bakumenko G.V. Limits of cultural Trauma in the Conditions of COVID-19 // «Challenge» in the daily Life of the Russian Population: History and Modernity: Materials of the international scientific Conference / ed. V. A. Veremenko. Saint Petersburg, 2021. P. 61-66.

18. Sinetsky S.B. Universal Priorities and civilizational Paradigms of cultural Policy in the XXI Century // Politics and Culture: Croblems of Interaction in the modern World : Collection of Articles. Budapest; Kirov, 2019. P. 8-17.

19. Simonova O.A. Emotional Imperatives of late modern Society and their social Consequences // Sociological Journal. 2021. Vol. 27. №2. P. 25-45.

20. Singh, S.P., Brown, L., Winsper, C. et al. Ethnicity and Pathways to Care During First Episode Psychosis: The Role of Cultural Illness Attributions // BMC Psychiatry. 2015. Is. 15. Article number 287 [Online]. URL: https://doi.org/10.1186/s12888-015-0665-9 (accessed 26.20.2021). ; Henderson N.L., Dressler W.W. Medical Disease or Moral Defect? Stigma Attribution and Cultural Models of Addiction Causality in a University Population // Cult Med Psychiatry. 2017. Is. 41. P. 480–498.; Causadias J.M., Vitriol J.A., Atkin A.L. The Cultural (mis)Attribution Bias in Developmental Psychology in the United States // Journal of Applied Developmental Psychology. 2018. Vol. 59. P. 65–74. ; Neumann D., Sander A., Perkins S.M., Bhamidipalli S.S. Hammond F.M. Negative Attribution Bias and Related Risk Factors After Brain Injury // Journal of Head Trauma Rehabilitation. 2021. Vol. 36. Is. 1. P. E61-E70.

21. Abdalina L.V., Koval N.A., Plaksina N.I. Development of corporate Culture of a University Tutor: from Theory to Practice // PNiO. 2020. №3 (45). P. 475-487.

22. Sviridkina E.V. Justice as a Value in the cultural and civilizational Code of Russia // Cultural Heritage Russia. 2018. №2. P. 35-41.

23. Seifi L., Soltanabadi M. Iranian Public Libraries' Capacities in Preserving and Disseminating Intangible Cultural Heritage // IFLA Journal. 2019. Vol. 46. Is. 4. P. 359–368.

24. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.

25. Kagan M.S. Philosophy of Culture. St. Petersburg: Petropolis, 1996. 414 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 25.04.2022.

The author declares no conflicts of interests.

The paper was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 25.04.2022.

© А.А. Нагой, 2022